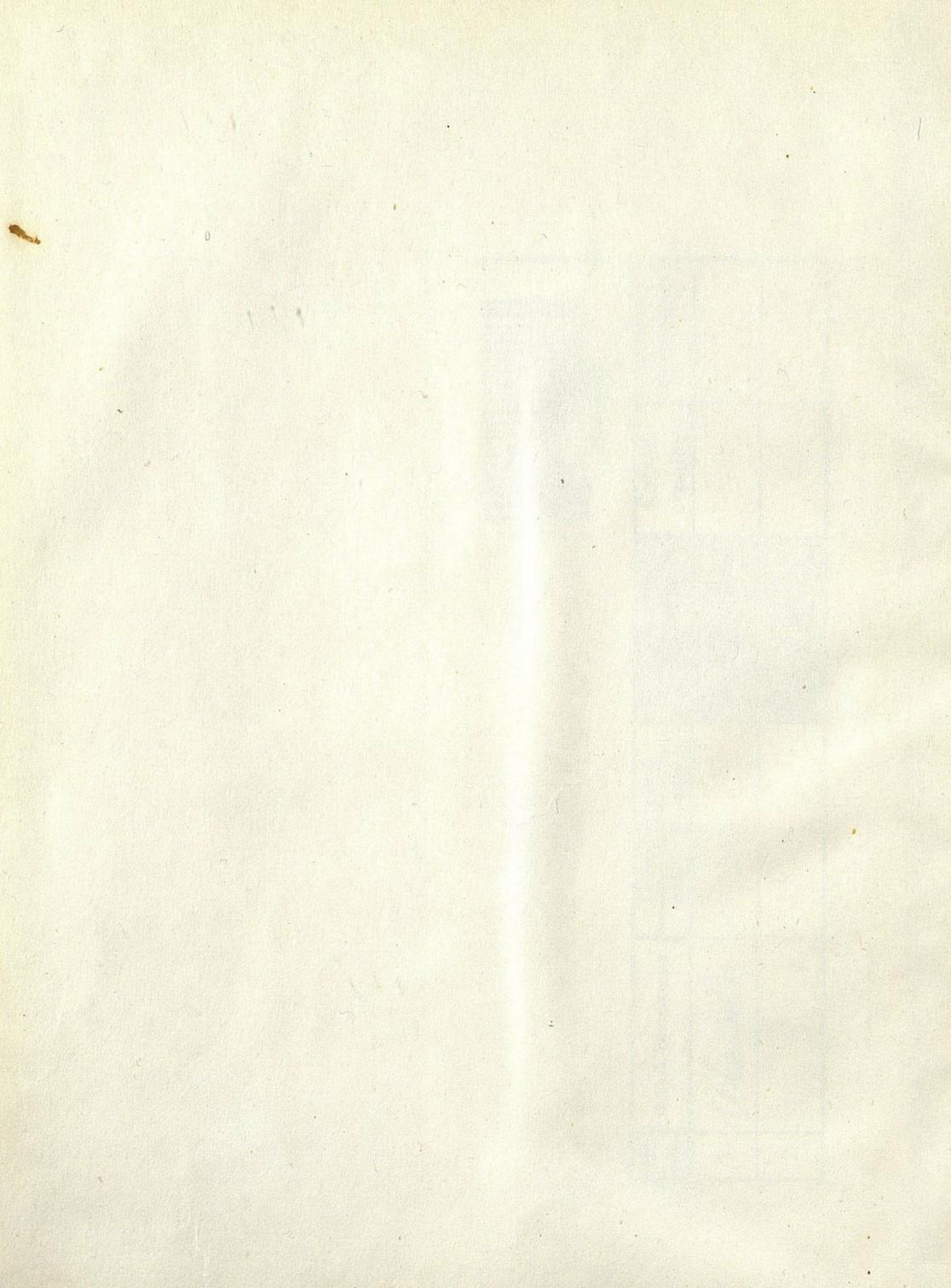


XVI 69

- 14

1910

19-16



1910 годъ.



Май № 9. - 16

XVI $\frac{69}{124}$

V-VII

ЖУРНАЛЪ

ТРОПИНКА.

3/VI 33. 15

Содержаніе.

1. Кладъ—стихотвореніе *О. Бляевской.*
2. Бѣгство—разсказъ *М. Шагинянъ.*
3. На родинѣ первыхъ людей—*П. Инфантьева.* (Продолженіе).
4. Жизнь Хитролиса—*П. Соловьевой.* Рисунки *Рабье.*
5. Чѣмъ вы можете заняться лѣтомъ—*Е. Соловьевой* и *В. Преображенскаго.*
6. Народныя поговорки и примѣты на май.
7. Вѣсти отовеюду.





Кладъ.

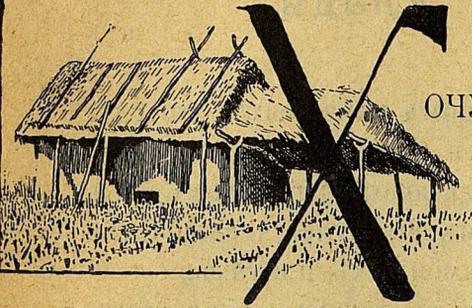
ОДЪ спудомъ каменнымъ, въ глу-
бокихъ погребахъ
Хоронить золото червонное Кощей.
Кольцомъ свернулся черный Змѣй
На каменныхъ плитахъ.
И дверью тяжкою захлопнуть
мрачный склепъ,
А дверь окована чугуною броней.
Налеты ржавчины рудой
На перемычкахъ скрѣпъ.

И спитъ покойнымъ сномъ Кощей
Въ желѣзномъ терему,
И недреманнымъ окомъ Змѣй
Пронзаетъ ночи тьму.

*
*
*

Шелъ старикъ-Годовикъ чрезъ сосновый лѣсокъ,
Обронилъ золотой поясокъ,
И забрезжился свѣтъ отъ того пояска,
И напала на чернаго Змѣя тоска,
И уползъ онъ въ разсѣлину плитъ.
Глубоко подъ землей кладъ Кошеевъ лежитъ,
Да не крѣпко его чародѣй сторожитъ.
Слабнуть связи погнувшихся скрѣпъ,
Съ тяжкимъ звономъ упали болты,
И распался мурованный склепъ,
Межъ обломками плитъ заалѣли цвѣты,
И Кошеевымъ кладомъ, кротка и ясна,
Овлаждѣла Весна.

О. Бѣляевская.



Бѣгство.

ОЧУ рассказать, какъ я однажды въ дѣтствѣ изъ дому убѣжала на цѣлыхъ два дня. Расскажу не выдумку, а дѣйствительную правду,—все, что случилось.

Я была уже не маленькой: мнѣ исполнилось двѣнадцать лѣтъ; книгъ я прочитала множество, считалась между подругами вовсе не глупой дѣвочкой, но по временамъ находили на меня фантазіи, такія нелѣпыя и ребяческія, что даже сестра Люся, десятилѣтняя, удивлялась. Главное, никто не могъ меня переубѣдить. Ужъ если что взбредетъ въ голову,—кончено. Пока не сдѣлаю, не успокоюсь. Съ сестрой Люсей мы очень дружили, насъ только и было двѣ; случилось, ссорились, но безъ всякой злости, а скорѣй для игры, и непременно, когда въ ссорѣ были, готовили другъ другу какіе-нибудь сюрпризы. Люся была большой лакомкой, я ей прятала въ шкатулочкѣ или подъ подушкой шоколадъ, а она, ужъ если хотѣла сдѣлать мнѣ удовольствіе, непременно разузнавала какую-нибудь новость, потрясающую,—и сообщала. Я была охотницей до новостей, рѣшительно всему вѣрила, восхищалась и поражалась такъ легко, что Люся очень часто меня въ шутку обманывала, а я вѣрила. Расскажетъ чепуху съ невиннымъ видомъ, и я въ изумленіи: „Да что ты! Вотъ тебѣ и разъ!..“ И даже потомъ, когда мнѣ говорили, что Люся выдумывала,—я все-таки, по привычкѣ или по разсѣянности, продолжала вѣрить. Спали мы въ одной комнатѣ, а рядомъ съ нами, за ширмочкой, наша нѣмка, Луиза Антоновна, очень хорошая и еще молодая. Памню, лѣтъ черезъ пять она

умерла, и мы всё очень плакали, жалко ее было, какъ родную. У насъ съ Люсей вечеромъ было совсѣмъ особенное развлечение: мы начинали другъ друга смѣшить. Я была ужасно смѣшливая, но смѣшить не умѣла; Люся же доводила меня до слезъ, а сама хоть бы что.

Спать мы ложились рано, потому что жили у дѣдушки, маминаго отца, а онъ почему-то вообразилъ, что мы еще совсѣмъ маленькія, обращался съ нами осторожно и строго, и мы должны были слушаться,—онъ сильно болѣлъ и легко раздражался. Такъ вотъ, въ одиннадцатомъ часу уложить насъ няня, а Луиза Антоновна прочтетъ съ нами Vater unser, („Отче нашъ“—по-нѣмецки), и уйдетъ къ себѣ.

Я начинаю торжественно и серьезно: „Ну, Люся, смѣши. На этотъ разъ ты ничего не добьешься! Рѣшительно ничего!“ Люся протягивала иронически: „неужели?“ А я уже чувствовала, какъ смѣхъ откуда-то поднимается къ самому моему горлу и щекочетъ; кашлять начинала, брови морщила, да куда тамъ! И вотъ Люся убѣжденно и съ достоинствомъ произноситъ: „Насталъ двѣнадцатый вѣкъ“...

До сихъ поръ не понимаю, что было въ этомъ смѣшного. Но, какъ только услышу ее,—кончено: опрокидываюсь на подушку и прямо-таки давлюсь съ хохоту.

— Охъ, не могу, охъ, отстань... Подожди, это я только такъ, это не въ счетъ. Я высмѣю все, а потомъ ты и начинай...

Люся охотно соглашалась, потому что, при первой ея фразѣ со мной, повторялась та же исторія. Луиза Антоновна терпѣла до половины двѣнадцатаго; а потомъ выходила къ намъ со свѣчкой, въ папильоткахъ и бѣломъ капотикѣ и укоризненно говорила:

— Если такъ будетъ, вы завтра проспите. Вотъ я и встану раньше васъ.

Тутъ мы умолкали. У насъ было условлено непременно вставать раньше Луизы Антоновны, проспять считалось большимъ позоромъ.

Мы жили въ маленькомъ городкѣ, на берегу Дона; учились въ гимназіи, но большую часть времени проводили дома, съ мамой. Отецъ нашъ умеръ годъ тому назадъ, и мама хворала, ходила блѣдная, часто и потихоньку плакала, чтобъ мы не видѣли. Вообще, грустно было дома. Дѣдушка—ворчунъ, сердился изъ-за каждаго пустяка; Луиза Антоновна тихая, няня (она и папу вынянчила) тоже пріуныла. Мы съ Люсей,—однѣ,—хоть и очень жалѣли папу,—неугомонно и отчаянно шалили. У насъ были свои слова, свои мѣста, игры свои,—такія, что ни одинъ человѣкъ, кромѣ насъ, не понималъ. Двѣ самыя интересныя игры были „въ Мерцу“ и „въ открытія“. Игра „въ Мерцу“ была такая; мы вѣрили въ чудесную страну Мерцу, откуда мы, будто бы, пришли на землю и притворились небольшими дѣвочками, мамиными дѣтьми. Но это было чистѣйшее притворство: въ Мерцѣ мы считались взрослыми и управляли всей страной вмѣстѣ съ братомъ, принцемъ Эли. На землю же мы попали благодаря хитростямъ колдуньи Деревѣ, которая жила въ Чугуніи, правила чугунцами и давно уже воевала съ Мерцей. Вся эта исторія была очень запутана и таинственна, мы ее отнюдь не рассказывали постороннимъ и называли „нашей тайной“. Каждый день въ Мерцѣ что-нибудь случалось, и принцъ Эли давалъ намъ знать: то въ стѣну стукнетъ, то зашуршитъ въ каминѣ. Никто не подозрѣваетъ, а мы съ Люсей перемигнемся—и безъ словъ знаемъ, радостное или плохое извѣстіе.

Другая игра—„въ открытія“—еще интереснѣй. Мы что-нибудь „открывали“ и обставляли это разными подробностями, длившимися иногда недѣлю: начнемъ играть въ субботу, а

кончимъ въ пятницу. Такъ, напримѣръ, Люся „открыла“, что въ погребѣ зарытъ кладъ. Домъ нашъ былъ очень старый, погребъ темный и страшный, въ немъ дѣдушкино вино хранилось, а въ одномъ его углу были насыпаны для чего-то кирпичи. Мы вычислили широту и долготу, мѣломъ наставили крестиковъ, я очки дѣдушкины надѣла, хотя въ нихъ рѣшительно ничего не видѣла, и принялись разбирать кирпичи. Во время этой работы я звала Люсю мистеромъ Скью, а она меня полковникомъ Джексонномъ, — изъ какой-то книжки. Говорили очень важно, въ носъ, съ англійскимъ акцентомъ, и кончили тѣмъ, что откопали двѣ разбитыя бутылки и прогнившую луковицу. Наше „открытіе“ какимъ-то образомъ дошло до дѣдушки. Онъ раскричался, поставилъ насъ въ уголъ и сталъ говорить мамѣ, что она воспитываетъ себѣ на голову двухъ сорванцовъ, а не дѣвочекъ. Люся отъ обиды заплакала, а я, на зло дѣдушкѣ, громко сказала ей изъ своего угла: „Не унывайте, мистеръ Скью: толпа всегда преслѣдуетъ геніевъ. Что вы хотите отъ этого старика? Онъ сжегъ бы Джіордано Бруно, чтобъ спасти свои кирпичи“. — Мнѣ страшно досталось, дѣдушка ушелъ къ себѣ въ комнату и не выходилъ четыре дня, даже къ обѣду. Бѣдный, какъ мнѣ его потомъ жалко стало!

Мое „открытіе“ было еще любопытнѣе. Я придумала, что можно фотографировать не только лицо человѣка, но и его мысли. Свое „открытіе“ я записала въ тетрадку, серьезно разсмотрѣла, — и сейчасъ оно у меня хранится. Вотъ въ чемъ дѣло: навѣрное, всякій знаетъ, что есть такая болѣзнь — лунатизмъ. Луна притягиваетъ къ себѣ сонныхъ людей, и вотъ они встаютъ и ходятъ, однако безъ сознанія. Случается, что и на крышу залѣзутъ. Всѣ знаютъ тоже, что мѣлъ въ порошокъ (которымъ зубы чистятъ, только безъ мяты), если его

положить на больное мѣсто,—вытягиваетъ боль. Наша няня флюсь всегда мѣломъ лечила, насыплеть его на платокъ, да и обвяжется. Говорить, что вытягиваетъ.

Вотъ мнѣ и пришло въ голову воспользоваться луной и мѣломъ для фотографированія мысли. Это я хотѣла такъ сдѣлать: въ полнолуніе сѣсть на окошко, взять чистый листъ бумаги, на которой отпечатываютъ фотографическія карточки, насыпать подъ него мѣлу, и все это крѣпко, крѣпко привязать къ себѣ на лобъ. А потомъ смотрѣть на луну и думать о чемъ-нибудь одномъ какъ можно настойчивѣе, и, если сумѣешь, представлять свою мысль въ видѣ какой-нибудь фигуры. Я думала, что мѣлъ и луна вытянутъ мысль изъ головы и отпечатаютъ ее на бумагѣ. Это „мое открытіе“ даже маму заинтересовало. Мы устроили опытъ и пригласили дядю Егора, самаго нашего любимаго дядю, который обозвалъ насъ сумасшедшими, однако заинтересовался. Я рѣшила думать о своей подругѣ Зинѣ, которую очень любила. Приготовили бумагу, насыпали мѣлу (дѣдушка, къ счастью, уѣхалъ по дѣламъ въ Таганрогъ), — и вотъ, я усѣлась на подоконникъ. Луна круглая, полная, даже глядѣть страшно. Гляжу, однако, и думаю изо всѣхъ силъ. Наконецъ, всѣмъ надоѣло. Насилу содрали съ моего лба бумагу,—прилипла. Глядимъ, а Люся кричитъ: „Мама, посмотри, зайчикъ!“ И правда: на бумагѣ образовалось небольшое пятнышко, чуть-чуть похожее на зайца. Всѣ стали смѣяться, а дядя Егоръ опять объявилъ: „сумасшедшія!“ и ушелъ. Зину съ того времени стали и у насъ, и въ гимназіи звать „Зайчикомъ“; она и вправду на зайца похожа была, особенно съ боку. Тѣмъ кончилось мое „открытіе“.

Въ три часа мы съ Люсей приходили изъ гимназіи и садились завтракать. Намъ подавалось по бифштексу и по стакану молока, и почему-то мы ужасно не любили этотъ зав-

тракъ. Чтобъ не было скучно ѣсть, мы придумали такое развлеченіе. Люсѣ подарилъ дѣдушка интересную книгу Жюль-Верна: „Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой“. Тамъ капитанъ Немо угощаетъ своихъ гостей морскими припасами: супомъ изъ печени акулы, хлѣбомъ изъ водорослей, ужами, морскимъ конемъ и вареньемъ изъ губокъ. Вотъ мы сидимъ другъ передъ другомъ, разрѣжемъ бифштексъ на мелкіе кусочки и учтиво бесѣдуемъ: „капитанъ, а что это у васъ въ жестянкѣ“? — „Это консервы изъ морской каракатицы, не угодно ли попробовать“? — „Ахъ, какъ вкусно! Будьте любезны дать мнѣ еще ломтикъ акулы!“ И мы съ величайшимъ удовольствіемъ съѣдали нашъ завтракъ. Зато Луиза Антоновна приходила въ негодованіе: „Перестаньте, я ѣсть не могу: что за разговоры за столомъ—весь аппетитъ пропадаетъ...“

Такъ мы жили до весны, покуда я не захворала очень серьезно южной лихорадкой. Это противная болѣзнь; кажется, ничего не болитъ, но такой сильный жаръ, что человѣкъ сохнетъ и желтѣетъ. По ночамъ я прямо изнемогала: у меня трескалась кожа на губахъ, и кровь шла изъ носа. Пришлось сбрить мнѣ волосы, а я страшно гордилась своей косой—большая, черная и такая длинная, ниже колѣнъ. Ну что жъ дѣлать, сбрили.

Доктора всѣ въ одинъ голосъ твердили, что надо повезти меня куда-нибудь къ морю. Долго думали, какое мѣсто выбрать, и рѣшили ѣхать въ Геленджикъ. Это небольшая деревушка на берегу Чернаго моря. Теперь она разрослась въ цѣлый городъ, а тогда была совсѣмъ неизвѣстной и заброшенной. У одной изъ тетей, (жены дяди Егора), находилась въ Геленджикѣ дача. Тетя предложила намъ всѣмъ ѣхать къ ней на дачу. Рано весной мы уложились и поѣхали.

Вотъ съ этого времени я и начала задумывать „бѣгство“.

Дѣло въ томъ, что въ теченіе моей болѣзни я пристрастилась къ Лермонтову. Читала его безъ конца, особенно поэму Мцыри. Ее я даже наизусть выучила. И вотъ, мало по малу захотѣлось и мнѣ бѣжать куда-нибудь отъ людей, въ дикія горы, и провести тамъ ну хоть только три дня. Очень меня занимала мысль стать совершенно свободной, ни отъ кого не зависѣть и дѣлать рѣшительно все, что мнѣ вздумается. Вѣдь если жить со старшими, надо ихъ слушаться; если съ подругами, какъ, напримѣръ, мы съ Зиной, то ужъ непремѣнно хочешь ей сдѣлать пріятное или огорчить боишься,—значить, нѣтъ никакой свободы. А съ маленькими, Люсей,—и еще хуже. Вѣчно надо ихъ оберегать и поучать. Вотъ если бѣ убѣжать куда-нибудь рѣшительно ото всѣхъ людей, да и жить самой по себѣ,—тутъ вѣрно и будетъ настоящая свобода. Думала я объ этомъ очень много, особенно по вечерамъ, когда жаръ начинался, но, конечно, никому не говорила, даже Люсѣ.

И вотъ мы пріѣхали въ Геленджикъ. Море я видѣла въ первый разъ и на пароходѣ тоже въ первый разъ была, но мнѣ такъ сильно нездоровилось, что не развлекало ни море, ни пароходъ „Отважный“, маленькій, старый и съ музыкантами на верхней палубѣ. Тетина дача оказалась чудесной—большая, удобная; кругомъ фруктовъ садъ. Правда, деревья карликовыя, чуть отъ земли видны, и тѣни никакой; но зато розы! Всю террасу обвили, ползучія, крупныя, крѣпкія, запахъ такой сильный и душный, что даже голова болитъ. Въ Геленджикѣ зелени мало, только за три версты, на горахъ, начинается дремучій лѣсъ. Море всегда почти спокойное, бухта тихая, выпуклая, синяя—синяя, а солнце печетъ такъ, что насквозь пропекаетъ песокъ, деревья, даже стѣны. Однако, не жарко, съ моря свѣжій вѣтеръ.

Мы цѣлыми днями стали возиться на берегу, нанизывали

раковинки, ловили медузъ, а то и просто валялись на песокъ. Намъ купили большія войлочные шляпы „осетинки“ и кавказскія красныя туфельки,—чувяки. Люся ихъ носила на босу ногу, а мнѣ докторъ велѣлъ часами зарыватъ голыя ноги въ песокъ и сидѣть на солнцѣ. На закатѣ я уходила домой, пила молоко и ложилась спать. Вскорѣ я такъ окрѣпла, что мнѣ позволили купаться. Люся, бѣдная, жалѣла меня и не купалась, покуда мнѣ не разрѣшили. Въ одно жаркое утро мама достала красныя купальныя костюмы, чепчики непромокаемые,—и мы пошли купаться. Хозяинъ купальни, грекъ Данесисъ, старый, желтый и весь сморщенный, какъ печеное яблоко, очень насъ любилъ. Бывало, идемъ мимо него, а онъ кричить: „ягодки мои, маслиночки“... и ужъ непременно затащить къ себѣ на балконъ, угостить рахатъ-лукумомъ и подарить ракушекъ. Онъ очень смѣшно говорилъ по-русски и былъ ужасный врунь. Но мы съ Люсей ничуть не обижались, если онъ вралъ. Не все ли равно? А выходило интересно.

Такъ вотъ, мы пришли къ Данесису въ купальню. Тетя повела насъ въ дѣтское отдѣленіе, мы раздѣлись, накинули красныя костюмчики, а чепчикъ я не надѣла—на что мнѣ? У меня голова стриженная, чуть-чуть порасла черной щетинкой. Люся сейчасъ же полѣзла въ воду, забрызгала меня оттуда и въ упоеніи стала прыгать, какъ лягушка: „Лѣзь скорѣй, вода теплѣе воздуха, лѣзь, а то простудишься..“

— Въ самомъ дѣлѣ, Мариночка, лѣзь въ воду!—поощрила меня и тетя. Я уцѣпилась за лѣсенку и чуть не плакала отъ злости: и на Люсю завидно смотрѣть, какъ она куврѣается, и въ воду страшно. Вовсе не теплѣе воздуха,—холодная, прозрачная вода; я окуну пятку и тащу ее обратно съ визгомъ. А Люся достала откуда-то сушенныя пустыя тыквы

(онѣ вмѣсто пробокъ употребляются), ухватилась за нихъ и плыветъ. Тетя, наконецъ, не выдержала, отцѣпила мои руки, и я бултыхнулась въ воду. Сперва у меня сердце остановилось отъ холода, а потомъ, въ одну минуту, тепло стало, и я закувыркалась, какъ Люся. Наше упоеніе продолжалось три съ половиной минуты, потомъ намъ велѣли вылѣзти. Съ тѣхъ поръ мы купались ежедневно, и я уже не боялась, а прыгала въ воду прямо съ верхней ступеньки; плавать мы обѣ скоро научились. Люся даже на спинѣ и еще какъ-то, сидя, чего я рѣшительно не могла достигнуть.



На родинѣ первыхъ людей.

IV.

Урокъ географіи.

А скажите, пожалуйста, Барлыбай Тулековичъ, долго намъ придется пробыть къ китайскомъ Туркестанѣ?—спросилъ Семеновъ, величая Барлыбая по отчеству, хотя это и не въ обычаѣ у киргизовъ.

— Зачѣмъ долго? Мы тамъ только распродадимъ товары и тотчасъ же отправимся на русскій Памиръ.. Эй, Якубъ, тащи-ка сюда карту: надо показать твоему товарищу, куда мы поѣдемъ.

— Ну вотъ, слѣдите по картѣ, я буду вамъ говорить, въ какихъ мѣстахъ мы будемъ,—продолжалъ Барлабай, когда Якубъ разложилъ передъ нимъ свой атласъ.—Изъ Вѣрнаго... гдѣ Вѣрный?

— Вотъ онъ,—указаль Семеновъ.

— Изъ Вѣрнаго мы отправимся прямо къ озеру Иссыкъ-куль. Есть?—спросилъ Барлыбай.

— Есть,—отвѣтили оба пріятели.

— Обогнемъ Иссыкъ-куль мимо города Каракола. Есть?

— Этотъ городъ недавно переименованъ въ Пржевальскъ,—замѣтилъ Семеновъ.

— Ну, пусть будетъ Пржевальскъ,—согласился Барлыбай.—Оттуда черезъ Бедельскій переваль, который находится на границѣ русскихъ владѣній съ китайскими, пройдемъ горы Тянь-Шань...

— По-русски онѣ называются Небесныя горы,—снова вставилъ Семеновъ.

— Да, Тянь-Шань по-русски значитъ Небесныя горы,—подтвердилъ Барлыбай.—Изъ нихъ мы выйдемъ на рѣку Аксу и по этой рѣкѣ пойдемъ къ городу Акъ-су. Есть?

— Есть,—отвѣтили пріятели.

— Изъ города Акъ-су пойдемъ на рѣку Яркендъ-дарью. Отъ Яркендъ-дарьи прямо на полдень вдоль по ея при-току Хотанъ-дарьѣ. Тутъ намъ придется брести недѣльки двѣ по пескамъ до самаго города Хотана. Есть такой городъ?

— Есть. Но вѣдь Такла-маканъ—это западная часть великой пустыни Гоби?—спросилъ Семеновъ.

— Да, пустыня Гоби находится отъ нея на восходѣ солнца, за сзеромъ Лобъ-норъ,—подтвердилъ Барлыбай, который въ своихъ странствованіяхъ хорошо изучилъ эту мѣстность.—Въ Хотанѣ обмѣняемъ товары, а оттуда отправимся въ Яркендъ,—продолжалъ онъ.

— Есть, сказалъ Семеновъ.

— Изъ Яркенда въ Кашгарь.

— Есть и это,—слѣдя по картѣ, говорилъ Семеновъ.

— Въ Кашгарѣ мы закончимъ свои торговья дѣла и по долинѣ рѣки Кызыль-су поднимемся на „Крышу міра“, а оттуда попадемъ прямо въ „Рай“... только не Магометовъ,—сказалъ Барлыбай и засмѣялся.

Ну, этого на картѣ не обозначено,—шутливо возразилъ Семеновъ.

— Какъ не обозначено? Должно быть,—серьезно подтвердилъ Барлыбай.

— Здѣсь обозначено только, что Кызыль-су течетъ съ горъ Памира.

— Ну, это и есть „Крыша міра“. Памиръ по-киргизски называется Памъ-и-Дунья, что и значитъ „Крыша міра“,—пояснилъ Барлыбай.

— Ну, такъ рая на немъ нѣтъ,—не унимался Семеновъ.

— Долженъ быть и рай. Алай есть?—спросилъ киргизъ.

— Алай есть.

— А Алай и значитъ по-киргизски рай. Эхъ вы, гимназія, такой простой вещи не знаете. Вотъ вѣдь я куда васъ повезу: въ самый рай!—сказалъ Барлыбай и, довольный своей шуткой, опять засмѣялся.

— Вотъ тамъ мы и пробудемъ во время лѣтнихъ жаровъ; а потомъ, въ началѣ августа я васъ отправлю черезъ Маргеланъ на прогонахъ по почтовой дорогѣ обратно въ Вѣрный, а самъ вернусь въ Кашгаръ, чтобы вести свой караванъ въ Семипалатинскъ.

— А развѣ мы не можемъ съ вами же возвратиться?

— Да вѣдь мнѣ придется изъ Алая итти до Вѣрнаго черезъ Кашгаръ почти цѣлый мѣсяць; вамъ же надо во-время поспѣть въ гимназію. Не безпокойтесь, я ужъ обо всемъ этомъ заранѣе передумалъ,—сказалъ Барлыбай.—Все ли вы запасли, что надо на дорогу?

— Нужно бы, отецъ, захватить съ собой компасъ и термометръ,—сказаль Якубъ.

— Это еще что за штуки?

— Компасъ—это такая штучка, вродѣ карманныхъ часовъ, стрѣлка котораго показываетъ, какъ ты ее ни верти, всегда однимъ концемъ на полдень, другимъ на полночь.

— Что ты говоришь: неужто такія штуки есть?

— А ты еще объ нихъ и не слыхиваль?

— Гдѣ же мнѣ о нихъ знать? Вы люди ученые, а я откуда въ степи могу что знать? Обязательно надо купить. Въ пустынь она намъ будетъ необходима: неравно собьемся съ пути, а по солнцу и звѣздамъ не всегда можно узнать направленіе. А еще что, какъ ты назваль?

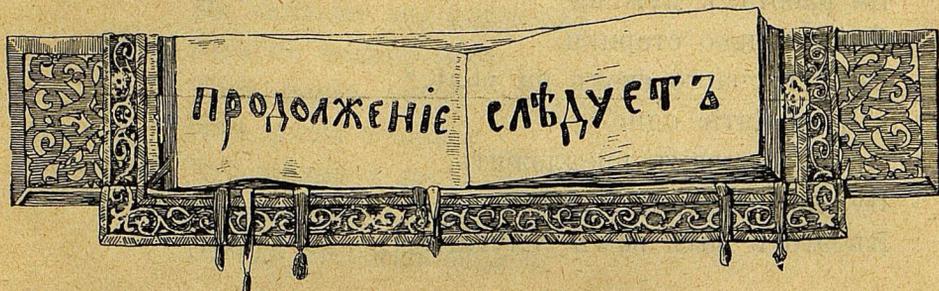
— Термометръ.

— А онъ для чего?

— Онъ показываетъ, какъ великъ холодъ или тепло. Еще не мѣшало бы заpastись биноклемъ. Это трубка, черезъ которую можно видѣть далеко.

— Покупай и трубку. Вотъ вамъ 25 рублей, купите все, что найдете необходимымъ для дороги по вашей наукѣ. Карту тоже не забудьте захватить съ собой. А теперь мнѣ надо итти смотрѣть за укупоркой товара. Завтра по-утру мы выступаемъ, будьте готовы.

Закупивъ все, что было нужно, Якубъ на оставшіяся деньги купилъ себѣ револьверъ.

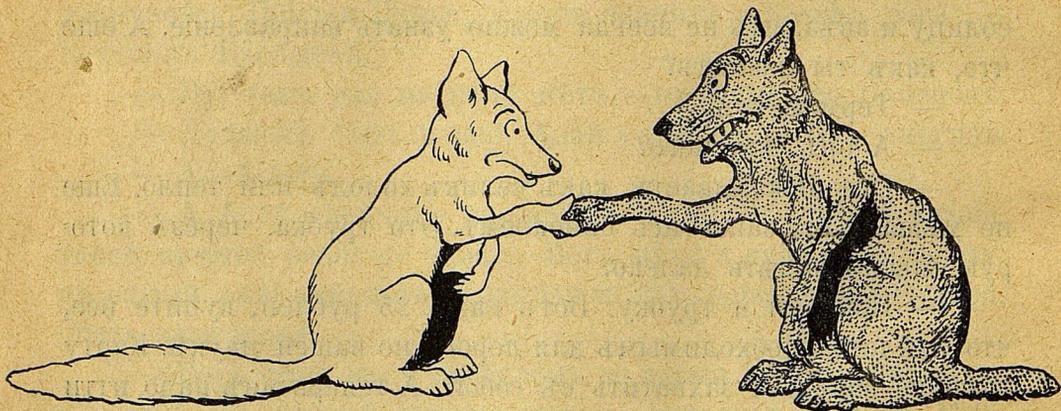


Жизнь Хитролиса.

Приключеніе девятое.

Клятва Изенгриня.

ВЪ лѣтній ясный день одинъ
Съ Хитролисомъ Изенгринъ
Повстрѣчались на тропинкѣ.
Какъ здоровались они,
На траву присѣвъ въ тѣни,
Посмотрите на картинкѣ.



„Ну, что, дядя, какъ дѣла?“

„Ничего, не тяжела

Жизнь теперь. Народъ весь въ полѣ,

На работахъ мужики,

Дома только старики.

Бродить часто скоть на волѣ.“

„Предпріятіе одно

Я хотѣлъ вамъ предложить,

Ну, да, знать, не суждено

Въ этотъ разъ вамъ услужить.“

„Нѣтъ, я выслушать готовъ,
Предложи, тамъ будетъ видно.
Знаешь, изъ-за пустяковъ
Безпокоиться обидно.“

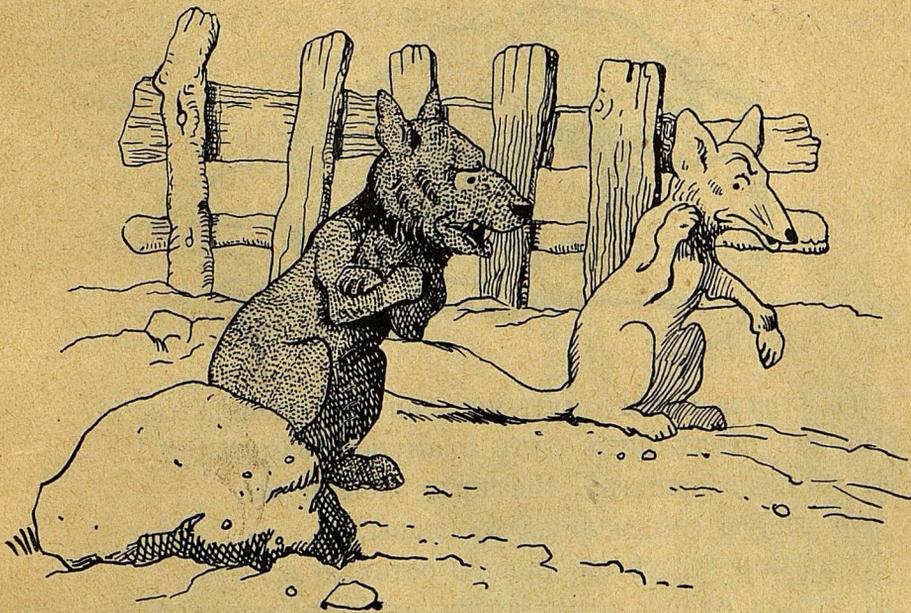
„Пройти подальше надо
Отъ всякаго жилья,
Гусей прежирныхъ стадо
Тамъ утромъ видѣлъ я.
Видь самый аппетитный!
Въ кустахъ, гдѣ ручеекъ,
Пасеть ихъ беззащитный
Мальчишка-пастушокъ.
Хотѣлъ бы ваше мнѣнье
Я знать на этотъ счетъ.
Вѣдь гуси—объядѣнье!
Такъ что жъ, идетъ?“ — „Идетъ.
Успѣхъ насъ ожидаетъ,
Побѣда такъ легка.
Но, можетъ быть,—кто знаетъ,—
Есть псы у пастушка?“
„Ручаюсь я за это:
Собаки—ни одной
У пастушенка нѣту.“
„Тогда идемъ со мной.“
„Пошелъ бы на подмогу
Да какъ же мы поидемъ?
Ужасно больно ногу:
Такъ ноетъ предъ дождемъ
Или когда туманы,
Что жизни я не радъ.
Старинныя-то раны
Всегда сильнѣй болятъ.“

Быль ласково настроенъ
Въ то утро Изенгринъ.
„Останься, будь спокоенъ,
Управлюсь я одинъ.
Здѣсь жди меня, я гуся
Сюда приволоку.“
И онъ пошелъ, не труся,
Въ лощину, къ ручейку.

Тамъ стадо длинное гусей неторопливыхъ
На скошенной травѣ паслось среди кустовъ,
И булькалъ ручеекъ, сверкая на извивахъ,
Подъ гоготаніе крикливыхъ голосовъ.

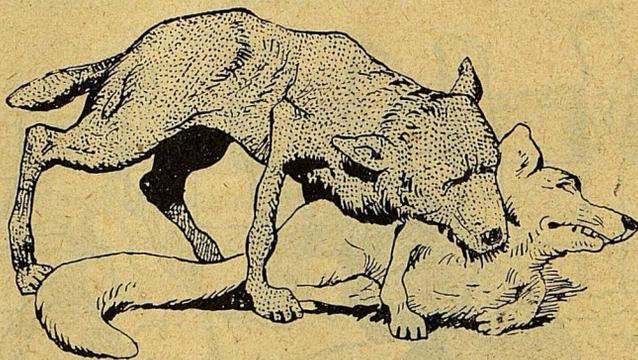
Изенгринъ облюбовалъ
Гуся. „Лакомый кусокъ,
Я вкуснѣе не видалъ.“
И съ разбѣга въ стадо—скокъ!
Крикъ испуганныхъ гусей
Быль тревоженъ, громокъ, звонокъ.
Обернулся поскорѣй
Задремавшій пастушонокъ.
Видитъ, гуся волкъ схватилъ
И помчался безъ оглядки.
Пастушонокъ завопилъ—
И бѣжать. Сверкаютъ пятки.
На бѣгу собакъ зоветъ.
Двѣ огромныя дворняги
Догоняютъ волка. Вотъ,
Бросивъ трупъ гуська-бѣдняги,
Онъ помчался. На спинѣ
Отъ зубовъ собачьихъ раны.
„Попадись, племянникъ, мнѣ,
Отомщу за всѣ обманы!“

А племянникъ тутъ, какъ тутъ.
Съ мордой самою невинной
Ждетъ, когда ему дадутъ
Съ потрохами жиръ гусиный.
„Негодяй! Опять навралъ:
Псы чуть-чуть меня не съѣли!“
Дядя грозно зарычалъ,
„Да ты что же въ самомъ дѣлѣ!
Все обманывать? Такъ знай,
Этотъ разъ не дамъ я спуску:
Какъ хвостомъ ты не вилай,
Попадешь мнѣ на закуску.“



Когтистой лапой онъ племянника схватилъ
За шею и къ землѣ съ угрозой придавилъ.
А Хитролицъ съ мольбою простоналъ:
„Почтенный дядюшка, велики вы, я—маль.

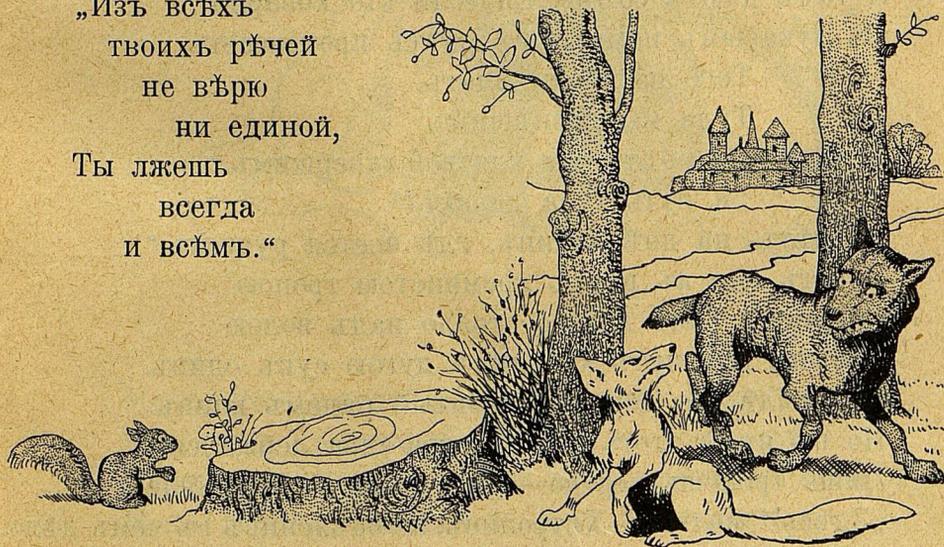
Сильны вы, я — такъ слабъ. Не ждалъ я нападенья.
Напали вы врасплохъ. Такое поведенье
Не дѣлаетъ вамъ честь и не великодушно.
Мнѣ оправдаться дать должны... пустите, душно!“
„Предатель, не найдешь себѣ ты оправданья,
Я заплачу тебѣ за ложь и злодѣянья.
За всѣ предательства я отомстить сумѣю.“
Тутъ Изенгринъ схватилъ племянника за шею
И сталъ его бросать на землю, рвать зубами.
Такъ обращался съ нимъ, какъ съ плѣнными врагами
Не обращается и злобный Сарацинъ.
Лисъ думалъ, что его задушитъ Изенгринъ.



Отъ страха одного чуть-чуть онъ не скончался,
Но изъ послѣднихъ силъ рванулся, заметался
И жалко завопилъ: „Мессиръ, забыли вы,
Что цѣлую семью лишаете главы,
Что, умеревъ, дѣтей двоихъ оставлю я,
И что за смерть отца мстить стануть сыновья.
Что съ неутѣшною вдовою Эрмелиной,
Потрясены моей внезапною кончиной,
Родные и друзья всѣ къ королю пойдутъ
И къ строгому суду убійцу привлекутъ.“

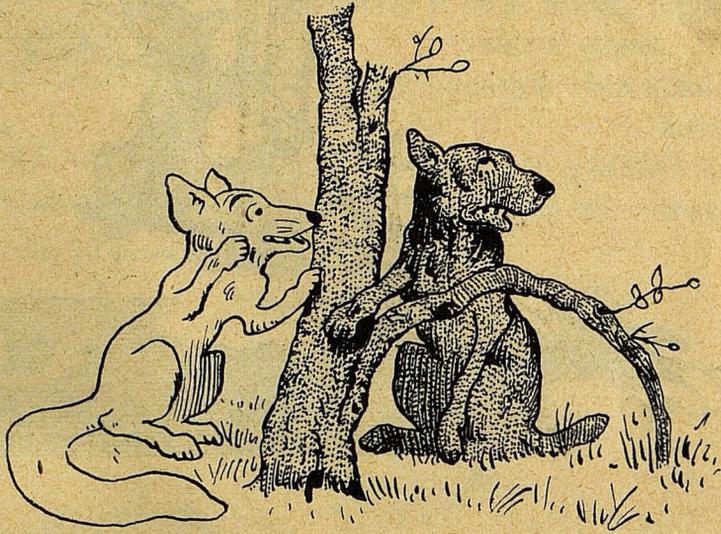
Король велить казнить, не будет вамъ пощады,
И вашей гибели враги такъ будутъ рады.“
Угроза страшная смутила Изенгрина.
Вѣдь правда стануть мстить вдова и оба сына.
И пасть зубастую невольно онъ разжалъ,
А Хитролисъ межъ тѣмъ, вздыхая, продолжалъ:
„Вы, дядюшка, ко мнѣ совсѣмъ несправедливы.
Вы слишкомъ вспыльчивы бываете, гнѣвливы
И на меня взвести готовы обвиненья
За не содѣланныя мною преступленья.
Когда я васъ угрей ловить велъ на пруду,
Не зналъ я, что вашъ хвостъ останется во льду.
Когда отъ мужика я велъ васъ на зарѣ,
Не ждалъ я, что брюшко застрянетъ вдругъ въ дырѣ.
Сегодня я не ждалъ бѣды отъ псовъ лихихъ:
Когда я мимо шель, не видно было ихъ,
Клянусь я вамъ дѣтьми и нѣжной Эрмелиной!“

„Изъ всѣхъ
твоихъ рѣчей
не вѣрю
ни единой,
Ты лжешь
всегда
и всѣмъ.“



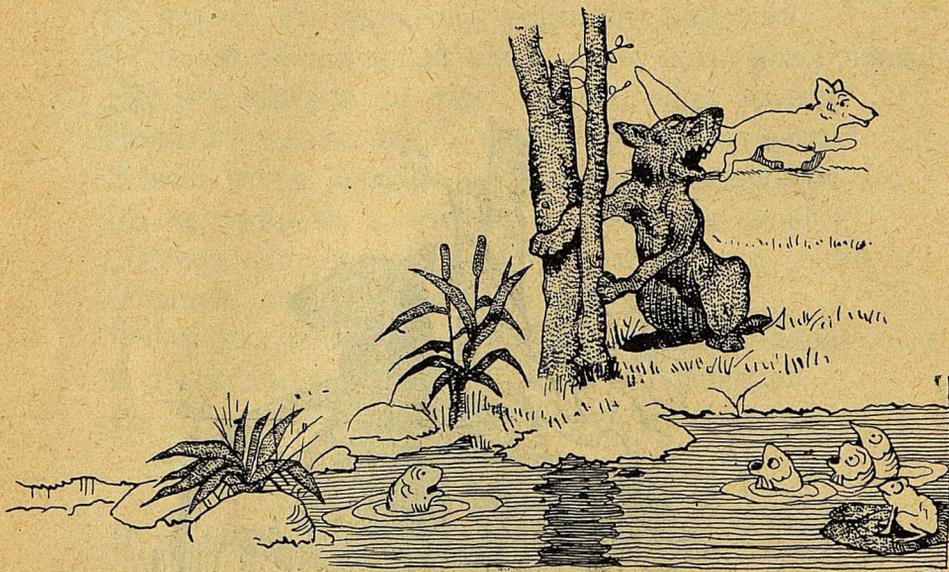
„Кто, по какому праву
Здѣсь обо мнѣ въ лѣсу пустиль такую славу?“
„Ты самъ измѣнами и низостью своею,—“
Отвѣтилъ Изенгринъ. Племянникову шею
Онъ выпустилъ, но гнѣвъ еще горѣлъ во взглядѣ.
Шатаясь, Хитролисъ привсталъ. Висѣли пряди
Поникшаго хвоста, вся шерсть была въ пыли,
И лапочки, дрожа, едва стоять могли.
Но страха не было, онъ уступилъ надеждѣ,
И голосъ вкрадчивый вновь зазвучалъ, какъ прежде:
„Не помириться ли намъ лучше, дядя милый?
Лишь въ единеніи, въ союзѣ братскомъ сила.“
„Союзъ вещь добрая, кто противъ скажетъ слово,
Да не увѣренъ я, что не солжешь ты снова.“
„Прошу васъ выслушать: тутъ мѣсто есть одно,
Обѣтамъ клятвеннымъ оно посвящено,
Чтобъ клятву произнестъ, туда идутъ попарно
И тамъ даютъ обѣтъ. Но если кто коварно
Съ лукавымъ помысломъ обѣтъ произнесетъ,
Того погибель ждетъ.
Туда мы поспѣшимъ
И вѣрности обѣтъ мы клятвой завершимъ.“
„А путь туда далекъ?“
„О нѣтъ, на днѣ долинь, гдѣ вьется ручеекъ.“
И вогъ они къ ручью кремнистою тропею
Слѣшать. Тамъ дерево стояло надъ водою
И былъ пригнутъ къ землѣ дугою сукъ одинъ.
Въ землѣ его держалъ забитый рядомъ клинъ.
Но въ ямкѣ этотъ клинъ едва-едва держался:
Лишь тронешь дерево—сукъ снова выпрямлялся.
„Здѣсь!“ молвилъ Хитролисъ, не объяснивъ въ чемъ дѣло.
„Обѣтъ произносить теперь мы можемъ смѣло.“

Покорно волкъ твердилъ за нимъ слова обѣта:
„Пусть мнѣ судьба не дастъ увидѣть вновь разсвѣта,
Пусть буду преданъ я ужасной самой казни,
Коль я храню въ душѣ хоть каплю неприязни
Къ тому, кого зову племянникомъ и другомъ.
Пусть буду пораженъ тяжелымъ я недугомъ,
И пусть не будетъ мнѣ ни сытно, ни тепло,
Коль на его семью храню я въ сердцѣ зло.



Молю, чтобы судьба на вѣкъ насъ примирила.“
Онъ лапу къ дереву прижалъ со всею силой,
Клинъ выскочилъ, взвился, сукъ прыгнулъ, какъ пружина,
И къ дереву прижалъ за лапу Изенгриня.

„Пр-редатель, вор-рѣ и вр-р-унь!..“ волкъ громко завопилъ,
„Какъ могъ я не понять, что ты опять хитрилъ!“
„Предателемъ? Меня?! Мнѣ жаль васъ, дядя, право,
Хоть прелукаваго вы оказались нрава:
Съ коварной мыслью вы обѣтъ произнесли,
Вотъ сукъ-то потому и прыгнулъ изъ земли.“



Я васъ предупреждалъ: за клятвопреступленье
Казнь ждетъ здѣсь cadaго, немедленно, въ мгновенье.
Лгать и обманывать коварно—что за толкъ?
Теперь узнаютъ всѣ, что вы негодный волкъ.“
Сказалъ и вдоль ручья пошелъ къ себѣ домой,
Украдкою смѣясь надъ дядиной бѣдой.

Онъ шелъ, не торопясь, приюхиваясь, глядя,
„А вотъ и гусь лежитъ, что въ бѣгствѣ бросилъ дядя.“

Гуська онъ подобралъ и потащилъ
къ женѣ.

„Зажарь-ка намъ его, насытимся
вполнѣ.“

А Изенгринъ, межъ тѣмъ, рвался,
метался, бился,

Сукъ треснулъ, наконецъ, и волкъ
освободился.

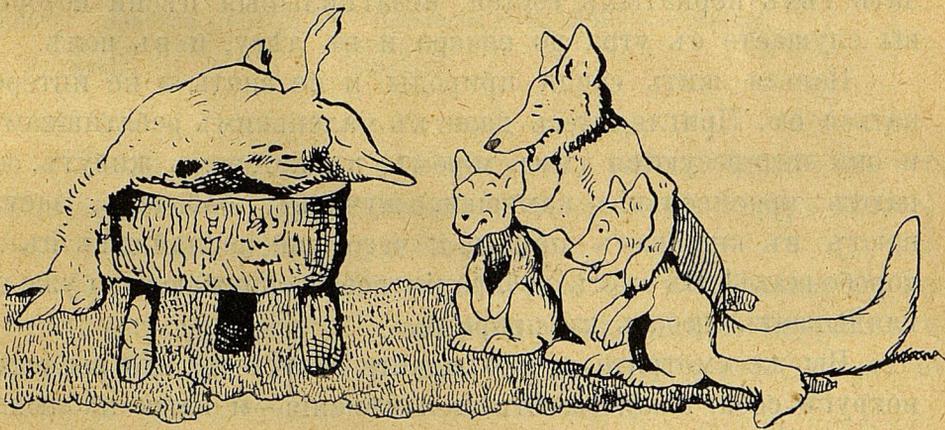
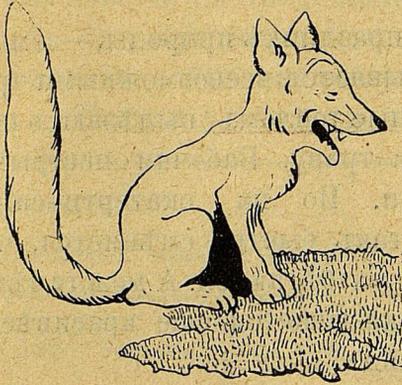
Побрелъ и онъ домой, поджавши
хвостъ, рыча

И лапу правую безсильно во-
лоча.

И каждый могъ прочесть въ глазахъ его унылыхъ:

„Съ такимъ племянникомъ бороться я не въ силахъ.“

(Продолженіе слѣдуетъ).



ЧѢМЪ ВЫ МОЖЕТЕ ЗАНЯТЬСЯ ЛѢТОМЪ.

ВЕСНОЙ и лѣтомъ наступаетъ праздникъ природы,—зѣмля, эта скатерть-самобранка, покрывается всевозможными травами, цвѣтами; звѣри, пробужденные тепломъ, вылѣзаютъ изъ своихъ норъ къ свѣту, солнцу, на траву. Бабочки пестрымъ хороводомъ носятся надъ лугами. Но на скатерти-самобранкѣ всего такъ много, и все такъ быстро смѣняется, что не знаешь, на что смотрѣть, глаза разбѣгаются. А между тѣмъ къ чему ни присмотришься, все оказывается еще красивѣе и интереснѣе, чѣмъ на первый взглядъ.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы возникаетъ волнующій всѣхъ дѣтей вопросъ: „**Что дѣлать весной и лѣтомъ?**“

Среди прочихъ занятій удѣлите немного времени и наблюдению надъ природой. Живя въ деревнѣ, старайтесь узнать, какъ называются цвѣты, которые вы видите каждый день, когда они цвѣтутъ, какъ размножаются. Попытайтесь различать тѣхъ пернатыхъ гостей, незатѣйливыя пѣсни которыхъ вы слушаете съ утра до вечера и въ лѣсу, и въ полѣ.

Нельзя жить среди природы и не знать и не интересоваться ею. Приглядитесь даже къ маленькимъ ребятишкамъ — и они интересуются тѣмъ міромъ, въ которомъ живутъ: собираютъ красивенькіе камешки, жучковъ, бабочекъ, засушиваютъ въ книжкахъ цвѣты, и чего еще не найдешь въ ихъ коробочкахъ! Въ этомъ собираніи всего окружающаго уже проглядываетъ любовь къ природѣ.

Вы же смотрите и наблюдайте за всѣмъ, что вы видите вокругъ себя, какія замѣтили измѣненія—и ваши наблюдения записывайте въ дневникъ.

Пусть это будетъ два, три слова, одна строчка,—все равно, записывайте! Это **ваши** наблюдёнія, **ваши** впечатлѣнія сегодняшняго дня,—завтра уже будетъ другое, на завтра все измѣнится, поэтому записывайте **каждый день**.

Это занятіе не потребуеъ особаго времени, но оно приучитъ васъ быть внимательными къ окружающему васъ міру.

Записи удобнѣе вести вотъ по такому образцу:

Наблюдаль (Имя и фамилія наблюдателя, мѣсто наблюденія: городъ или село и губернія и годъ наблюденія).

1904	1905	Растенія.	1904	1905	Насѣкомыя и другія животныя.	1904	1905	Птицы.	1904	1905	Примѣчанія.
18/III	14/III	Показал. у вербы ба- рашки.	30/III	16/III	Проснулись пауки.	28/III	3/III	Прилетѣли дикія утки.	18/IV	10/IV	Вскрылась рѣка.
31/III	4/IV	Зацвѣла ольха (пока- зались се- режки).	31/III	31/III	Появились мухи на дворѣ.	13/III	14/III	Грачи.	3/V	29/IV	Первая гроза.
8/IV	18/IV	Зацвѣла мать-м а- чиха.	6/IV	31/III	Появились (в ы л ѣ з л и) лягушки.	28/III	20/III	Жаворонки.			

Уходя изъ дому на прогулку, всегда берите съ собой коробку (можно приспособить для ношенія черезъ плечо) и записную книжечку—пригодятся.

По приходѣ домой надо тотчасъ же разобрать въ при-
несенномъ и переписать замѣтки въ дневникъ (журналъ на-
блюденій). Въ примѣчаніяхъ можно писать все, что не вхо-
дитъ ни въ одну изъ означенныхъ графъ.

Графы записей надо дѣлать пошире.

Такія наблюденія, веденныя изъ года въ годъ, дадутъ возможность болѣе или менѣе точно опредѣлить время цвѣтенія растений, появленія насѣкомыхъ, прилета птицъ и т. д., словомъ, дадутъ возможность составить приблизительный календарь природы.

Старайтесь не пропускать незнакомыя растения и насѣкомыя, но принесите домой (растение по возможности цѣлое) и опредѣлите. Для этой цѣли существуетъ много опредѣлителей (нѣкоторые указаны въ концѣ).

Въ крайнемъ же случаѣ можно пользоваться своими учебниками; напр. „Ботаника“ Раевского можетъ служить опредѣлителемъ флоры (т. е. растительнаго царства), а „Курсъ зоологiи“ Львова — опредѣлителемъ фауны, или животнаго царства (конечно, можно пользоваться и другими учебниками).

* * *

Какъ только солнце начнетъ нагрѣвать землю, какъ только вскроются ручьи и рѣки, прилетаютъ на старыя мѣста дикіе гуси, утки, грачи, жаворонки, скворцы и т. д.

Наблюдайте за ними. Если вы умѣете различать птицъ, запишите въ дневникъ **время ихъ прилета** (число и мѣсяць). Какъ записывать — показано раньше. Посмотрите, какъ они вьютъ себѣ гнѣзда (гнѣздуются). Для этой цѣли лучше наблюдать за грачами и ласточками.

Вмѣстѣ съ птицами вылѣзаютъ и лягушки изъ своихъ норъ и начинаютъ по вечерамъ развлекать насъ своими концертами.

Просыпаются насѣкомыя. Одними изъ первыхъ появляются пауки, мухи (на дворѣ), комары-толкуны, жужелицы, осы, пчелы, шмели. Наблюдайте и старайтесь внимательнѣе всматриваться въ ихъ жизнь. Все, что вы замѣтили, записывайте.

Обратите вниманіе на **почки** деревьевъ, какъ онѣ разбухаютъ и лопаются.

Запишите время появленія барашковъ у вербы и ивы, сережекъ—у ольхи, березы, тополя, осины. Замѣьте время появленія листьевъ на деревьяхъ и кустахъ (распусканіе): когда и какое дерево распустилось. Когда зацвѣли указанные деревья (барашки у вербы становятся желтыми, сережки у другихъ деревьевъ какъ бы растрескались. Если сережку потрясти, то поднимется желтая (цвѣточная) пыль.

Въ апрѣлѣ **зацвѣтаютъ** нѣкоторые лѣсные и полевые цвѣты (мать-мачиха, голубая вѣтреница, подснежникъ и медуница).

Замѣьте время цвѣтенія извѣстныхъ вамъ; попробуйте опредѣлить неизвѣстные.

Побывайте **въ лѣсу**. Тамъ еще сыровато, но грибы это любятъ. Появляются дождевики и другіе несъдобные грибы (поганые, какъ ихъ называютъ). Вмѣстѣ съ ними появляются сморчки—исключительно весенніе грибы.

Запишите, когда они появились и когда пропали. Наблюдайте за ихъ ростомъ.

Дома заведите себѣ **двѣ грядки**. На одной посѣйте овощи, хлѣбныя растенія, а изъ другой сдѣлайте клумбу и по своему плану посѣйте цвѣты. Все это лучше высѣять въ одинъ день, записать въ дневникъ число и перечень высѣянныхъ растеній и потомъ отмѣчать, въ какомъ порядкѣ проростало,—которое взошло 1-ымъ, 2-ымъ, 3-имъ и т. д. и на который день. Дальше заносите въ дневникъ развитіе вашихъ **питомцевъ растеній**: когда появился первый бутонъ, когда оно начало завиваться и въ какую сторону, когда расцвѣло, отцвѣло и т. д.

Изъ **цвѣтовъ** совѣтуемъ посѣять: бобы, душистый горошекъ, настурцію, резеду, макъ, вьюнки, бархатцы.

Изъ **овощей и хлѣбныхъ растеній**: — лукъ, редиску, горохъ, турецкій бобъ, огурцы, морковь, салатъ, укропъ, петрушку, овесъ, ячмень, пшеницу, гречиху.

Цвѣты лучше сначала посѣять въ горшки и плошки, а потомъ уже высадить въ клумбу.

Побывайте на большомъ **огородѣ, въ саду**.

* * *

Еще разъ напоминаемъ:—записывайте свои наблюденія, не стѣсняясь ихъ количествомъ.

Наблюденіями этими въ концѣ года можно перемѣняться для сравненія мѣстностей. Это сравненіе тѣмъ любопытнѣе, чѣмъ дальше другъ отъ друга наблюдатели.

Можетъ быть, въ этомъ новомъ для васъ дѣлѣ наблюденія природы понадобятся какія-либо указанія—мы не отказываемся помочь вамъ совѣтомъ. Пишите въ редакцію.

Не беритесь за все сразу, если вы не рассчитываете на свои силы, помните извѣстное правило: лучше сдѣлать немного, но хорошо.

Если вы собираетесь опредѣлять растенія и насѣкомыхъ, съ которыми будете сталкиваться, запаситесь одною или двумя изъ слѣдующихъ книжекъ:

Ландсберга. Въ царствѣ полей и лѣсовъ. Ц. 1 р. 30 к.

Шмидта. Дѣтскій садикъ и огородъ и комнатное цвѣтоводство. Переработалъ Порѣцкій. Ц. 25 к.

Ростовцева. Какъ составлять гербарій. Ц. 30 к.

или *Раевского*. Собираніе растеній и составленіе гербарія. Ц. 40 к.

Портыкаго. На волѣ и дома. Наблюденія природы на прогулкахъ и въ комнатѣ, расположенныя по временамъ года. Ц. 90 к.

или *Глазль*. Книга для экскурсій.

Ростовцева. Опредѣлитель растений, для школь и само-
образованія. Ц. 1 р.

или *Маевского*. Весенняя флора. Ц. 30 к.

Его же— Осенняя флора. Ц. 30 к.

Флерова и Федченко. Пособіе къ изученію растительныхъ
сообществъ средней Россіи. Ц. 45 к.

Чижова. Мой ботанической садъ. Простыя занятія въ лѣсу,
на лугу, въ саду и дома. Съ кратчайшимъ опредѣлителемъ.
Цѣна 20 к.

Меліоранскаго. Книжка для любителей грибовъ, съ ри-
сунками. Ц. 70 к.

Каризг. Міръ насѣкомыхъ (пер. Зенгера). Ц. 1 р. 50 к.

или *Шлехтендалъ и Д. Вюнше*. Опредѣлитель насѣкомыхъ.

Пер. Ярцева подъ редакціей Линдемана. Ц. 2 р. 25 к.

Кто можетъ достать, пусть прочитаетъ *Брэма*. Жизнь
животныхъ. т. IX. Насѣкомыя.

Евг. Соловьева.

В. Преображенскій.

Народныя поговорки и примѣты на май.

Мѣсяць май и тепель, и холодень.

На Еремѣя (1 мая) по ранней росѣ иди на посѣвъ.

На вешняго Николу не до разносолу. (Къ этому времени крестьяне за
зиму все пріѣдятъ).

Придетъ Ѳедотъ (10 мая), послѣдній дубовый листь развернетъ.

Майская трава и голоднаго кормить.

Даромъ, что соловей птица малая, а знаетъ, когда май.

6 мая начинаютъ сѣять горохъ. Этотъ день такъ и называется „Горошникъ“.

При этомъ въ Тульской губерніи поютъ: „Сѣю, сѣю бѣль горохъ. Уродися,
мой горохъ, крупень, и бѣль, и самъ тридесять, старымъ бабамъ на потѣху,
молодымъ ребятамъ на веселье“.

Вѣсти отовсюду.

Воспитаніе дѣтей у туркменовъ. Какъ только родится у туркмена ребенокъ, его моютъ въ соленой водѣ „для скорого роста“. Черезъ недѣлю послѣ рожденія даютъ имя, напримѣръ, „Казань“ (котель), „Полта Полоть“ (стальной топоръ), „Яктембе“ (воскресенье), „Гулъ“ (цвѣтокъ).

Дитя находится исключительно на рукахъ матери; отецъ не заботится о немъ совершенно.

Какъ только ребенокъ начинаетъ становиться на ноги, онъ цѣлые дни проводитъ уже внѣ кибитки, въ степи или на улицахъ аула, въ пыли и грязи.

Дѣвочки съ трехъ лѣтъ отдѣляются отъ мальчиковъ. Онѣ цѣлый день въ кибиткѣ: помогаютъ въ домашнихъ работахъ, ухаживаютъ за дѣтьми, носятъ воду изъ родника.

Мальчики же цѣлый день проводятъ въ играхъ и ни въ чемъ не помогаютъ.

На десятомъ году мальчику устраивается большой праздникъ, „атаминдрю“ (сажанье на лошадь) въ знакъ наступленія отрочества.

Приглашаются гости, музыканты. Мальчика одѣваютъ въ новую, расшитую галунами, одежду. Послѣ угощенія приводится для него новая лошадь и мальчика, переодѣтаго въ рваный бешметъ, отецъ сажаетъ на лошадь. Черезъ плечо вѣшаютъ сумку съ предохранительными молитвами отъ сглаза. Отецъ привѣтствуетъ сына: „желаю тебѣ всякаго добра“. Сынъ отвѣчаетъ: „Будь здоровъ“. Всѣ присутствующіе кричатъ ему: „Дай Богъ тебѣ хорошую погоду“.

Послѣ этого мальчикъ объѣзжаетъ весь аулъ и кибитки, всѣ поздравляютъ его, въ сумку сыплютъ гостинцевъ, а на гриву лошади привѣшиваютъ мелкія монеты. Послѣ „атаминдрю“ мальчика отдаютъ въ школу.

Ани—бывшая когда-то армянская столица.

Въ IX вѣкѣ въ ней насчитывали 100 тысячъ жителей и 1000 церквей. Потомъ этотъ блестящій городъ переходилъ то къ однимъ завоевателямъ, то къ другимъ. Монголы, во время своего великаго шествія изъ Азіи въ Европу, избилъ всѣхъ жителей и разорили городъ. Землетрясеніе разрушило его окончательно. Остались только развалины, полузанесенныя землей.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ ученые принялись за раскопки этого знаменитаго города, и каждый годъ дѣлаются все новыя и новыя открытія.

До сихъ поръ была откопана городская стѣна съ 80 башнями, 11 воротами; за этой стѣной храмы съ сохранившимися, красивыми каменными украшениями, нѣсколько улицъ и домовъ. А теперь, въ этомъ году, удалось откопать площадь св. Апостоловъ, водопроводъ и главную улицу, вымощенную камнями и пересѣкавшую поперекъ весь древній городъ. При раскопкахъ храма св. Апостоловъ и окружающихъ его могилъ—нашли много разныхъ предметовъ, поражающихъ своею красотой и тонкою отдѣлкой.

Отъ конторы редакціи.

Просимъ прочесть непременно.

1. Рукописи, присылаемая въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятая рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копеечную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., и остальные деньги не позднее 15-го Апрѣля.

6. Желаніе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по пятницамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.



Открыта подписка на 1910 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

5-й годъ
изданія

ТРОПИНКА

24 нр.
въ годъ

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждого мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ 1910 году въ „Тропинкѣ“ будетъ напечатано, между прочимъ, слѣдующее: *Зим. Венгеровой* „Донъ-Кихотъ“. *Э. Н. Гиппиусъ* „Полетѣли“ (о воздухоплаваніи). *Е. П. Иванова* „Черный мельникъ“. *П. Инфантьева* „На родинѣ первыхъ людей“. (Путешествіе двухъ гимназистовъ по Средней Азіи). *И. С. Кондурушкина* „Сказка о четырехъ вѣтрахъ“. *Кл. В. Лукашевичъ* „Нелюбимая подруга“. *Н. И. Манасеиной* „Дербетская принцесса“. (Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины II). *Проф. М. И. Ростозцева* „Одиншія игры“. *П. Соловьевой (Allegro)* „Царевна Земляничка“ (пьеса въ стихахъ). *Н. Л. Шатиръ* „Въ зоологическомъ саду“ и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 руб. Для ознакомленія съ журналомъ можно выписывать его на 4 мѣсяца за 1 руб. При желаніи продлить подписку остальные деньги должны быть присланы въ редакцію не позднѣе 15-го апрѣля.

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1909 г.г.

Комплекты 1906 и 1907 г.г. всѣ разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 4.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева* и *Ж. Манаскина*.